

ЮРИЙ СОБЕЩАКОВ

ПОЛНАЯ ТЕМНОТА

Юрий Собецаков

Полная темнота

"Мультимедийное издательство Стрельбицкого"

Собещаков Ю.

Полная темнота / Ю. Собещаков — "Мультимедийное издательство Стрельбицкого",

Среднего возраста офицер, отслуживший в армиях двух стран, попадает на курс подготовки «Диких гусей» одной частной военной компании. В процессе обучения руководство школы выясняет, что наёмник имеет за плечами несколько тысяч часов налёта на дюжине различных типов самолётов, и его переводят в профильное учебное заведение. В одном из полётов опытный лётчик совершает грубейшую ошибку, которая приводит его на больничную койку реанимационного отделения военного госпиталя. Его вводят в искусственную кому, и в своих видениях он переносится в далёкое будущее, где его назначают командиром межгалактического транспортного корабля, выполняющего миссии по контролю за вооружением во вселенной. Обе части повести «Полная темнота», и приключенческая, и фантастическая, были написаны на основе личного опыта автора. И пусть это не удивляет любителей фантастики. Так бывает, когда автор желает поделиться пережитым с читателями, но ему пока есть что скрывать.

© Собещаков Ю.
© "Мультимедийное издательство
Стрельбицкого"

Содержание

Часть первая. ...И носило меня	6
Вместо пролога	6
Глава первая. Не люблю учиться	7
Глава вторая. Подготовка	8
Глава третья. Стрельбы	10
Глава четвёртая. Огонёк	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Юрий Собецаков

Полная темнота

Повесть в двух частях

Часть первая. ...И носило меня

Вместо пролога

*Реже, меньше ноют раны.
Четверть века – срок большой.
Но в виски, как в барабаны,
Бьется память, рвется в бой...*
В.С. Высоцкий.

Глава первая. Не люблю учиться

Я не люблю...
В.С. Высоцкий

Вернее, не люблю учёбу, если она связана со сдачей зачётов и экзаменов.

Готовишься к ним, нервничаешь, переживаешь за результат теста. Коришь себя, если не успел повторить учебный материал. А ещё хуже, если знал ответ на экзаменационный вопрос, но ошибся технически, нажал не ту кнопку, например.

Без этих, проклятых, экзаменов, я готов узнавать что-либо новое каждый день. Собственно, в этом нет ничего удивительного, все люди так и делают. Смотрят телевизоры, читают книги и газеты, ходят в театры и музеи.

А как все мы любим путешествовать. Хлебом не корми, дай съездить в невиданные края и увидеть что-то не известное. Будь то хоть Самара, хоть Чебоксары, да хоть Камень на Оби.

Ещё чемоданы были не распакованы после круиза по маршруту: Лондон – Париж – Амстердам – Санкт-Петербург, а жена уже задала вопрос:

– Милый, а когда мы поедem в Италию?

Сын добавил, как будто вопрос об Италии был уже решён:

– По маршруту Рим – Венеция мы обязаны заехать во Флоренцию и Милан. Там мы должны увидеть, не попавшие в Лувр и Эрмитаж, работы Леонардо де Винчи.

Я их не осуждаю. Я тоже хочу в Италию, и в Египет, и в Индию, и ещё в сотню, другую мест, где я ещё не побывал.

Вы верите в судьбу?

Я нет. Я верю в то, что каждый сам создаёт себе трудности и затем преодолевает их, по мере сил. Я всю свою жизнь учусь, хоть и не люблю это дело. Однако никто меня не гнал учиться ни в училище лётчиков, ни в педагогический институт. Никто не заставлял выучить два иностранных языка, и затем осваиваться в новых для меня странах.

И всё же, среди сотен зачётов и экзаменов, сданных мной за последние тридцать лет, были и такие, на которые я шёл с удовольствием.

Когда это было и в какой стране не спрашивайте, это не важно. Да сейчас это уже не имеет значения. Скажу лишь, что мне было рекомендовано пройти курс обучения в одной специальной школе.

Месяца за три до первого дня учёбы я получил абонемент в близлежащий спортивный комплекс и проводил в нём от трёх до четырёх часов ежедневно.

За девяносто дней я сбросил десять килограмм, восстановил утраченную выносливость, и довёл вес штанги при жиме лёжа до собственного веса. Короче говоря, к тому времени, когда я должен был прибыть в школу, мне казалось – что я готов.

Как Гагарин и Титов.

Не ожидайте, что моё повествование будет в хронологическом порядке. Нет, на сей раз это будут разноцветные кусочки лоскутного одеяла.

Глава вторая. Подготовка

Из класса в класс мы вверх пойдем, как по ступеням
В.С. Высоцкий

Автоматическую винтовку с оптическим прицелом вместе, с пятью пустыми магазинами и бронежилетом, мне выдали через месяц после начала курса.

С этого момента я не должен был с ней расставаться ни на минуту. Спал, мылся, ходил в туалет, бегал, прыгал, проходил полосу препятствия, учился оказывать первую помощь раненому и преодолевал водные преграды с винтовочкой.

Не брал я её только в столовую. Оставлял под охраной одного из сокурсников.

Зря я её так берёг. Хреновенькая винтовочка была. Оптика качественная, а механическая часть оставляла желать лучшего. Я бы никогда не смог сделать такого умозаключения, если бы со мной рядом не было специалиста высочайшего класса, аккурат в области винтовок с оптическим прицелом.

Но о нём я расскажу в отдельной главе.

А сейчас ещё пару слов о винтовке.

Была она оборудована маленьким рычажком переключения режима стрельбы с одиночного на автоматический. Мне показалось странным иметь такое приспособление на снайперской винтовке. Стараясь не привлекать к себе дополнительного внимания, я не проявил излишнего любопытства и не стал спрашивать: на кой хрен этот тумблер здесь стоит?

Но образованный на курсе я был не один. Народец учился со мной разный.

Так вот, один француз, двадцатилетний отец троих детей, кандидат философских наук, задал инструктору мучивший меня вопрос:

– Сэр, а зачем здесь эта загогулина? Ты же сам говорил, что при стрельбе с расстояния километр, подряд выпущенная вторая пуля уходит в сторону на несколько метров.

Кто любит дурацкие вопросы? Да никто.

Не секрет, что люди на них реагируют по-разному. Кто-то улыбнётся и отшутится в ответ, кто-то с серьёзным видом станет объяснять недоумку, в чём суть проблемы, а кто-то скажет: следующий вопрос, пожалуйста.

Было видно, что инструктор не был поставлен в тупик нашим философом. Он ровным голосом стал нам объяснять, что это оружие было запущено в производство в период холодной войны. Продолжая говорить о противостоянии блоков, он подошёл к французу, взял у него винтовку, переключил тумблер на автоматический огонь и после слов:

– Мы готовились чистить длинные русские траншеи.

Вдруг заорал:

– Та! Та! Та! Та! Та!

При этом он опустил винтовку вниз и стал водить ей слева направо.

Такая реакция слегка шокировала слушателей. Мы никак не ожидали, что среди наших учителей были психи.

Со сдачей зачёта по теории стрельбы и боевого применения винтовки мне повезло, я попал к другому преподавателю. Не люблю психов. Они не предсказуемы.

Невзирая на то, что незначительные шероховатости на зачёте я всё же допустил, экзаменатор остался мной доволен.

– За время выполнения упражнений ты ни разу в мою сторону винтовку не навёл, уже за это тебе спасибо. Материальную часть ты знаешь хорошо, отказы исправляешь быстро,

поправки на ветер и скорость цели рассчитываешь правильно. Выбор позиции и маскировка в пределах нормы. Такие детали как не правильно согнутый локоть и неверно лежащее колено, ты отшлифуешь на практических занятиях. Ставлю тебе сорок четыре бала из пятидесяти. Это восемьдесят восемь процентов. Проходной бал семьдесят.

– Допущен к практическим стрельбам, – написал он в экзаменационном листе.

Я был рад. Двенадцать слушателей курсов, из тридцати пяти, сразу после экзамена пошли собирать вещи.

Глава третья. Стрельбы

*Который в фетрах, давай на спор,
Я за сто метров, а ты в упор.*
В.С. Высоцкий.

Подготовка к двухчасовому путешествию на стрельбище очень напоминала дурдом, хотя сравнивать мне было особо не с чем.

Суть идиотизма заключалась в том, что перед поездкой мы сняли оптические прицелы и положили их себе в карманы. Затворы от оружия отдали инструкторам, которые сели в джипы и поехали отдельно от нас. Винтовки сложили в кожаные мешки и засунули их в багажное отделение автобуса.

Особые законы были в той стране на этот счёт.

Автобус был комфортабельный. Снаружи он был разукрашен рекламой местного пива. Окна заливала золотистая пена, и за ней невозможно было разглядеть наши не выпавшиеся физиономии.

На стрельбище нас ждала группа экзаменаторов. После короткого инструктажа мы пошли на позиции.

Ни прятаться на местности, ни маскироваться от нас не требовали. Первые стрельбы и сразу зачёт. Кто талантлив – учится дальше, а кто дятел – едет домой.

Упражнение номер один. Лёжа, с упора, дистанция четыреста метров, мишень ростовая. Через оптику я отчётливо видел, что на меня бежал солдат с винтовкой в руках очень напоминающий немца времён Первой мировой войны.

Штык винтовки был примкнут, плечи солдата чуть опущены, а голова втянута в каску. В центре его груди был нарисован тёмно-серый круг диаметром пять дюймов.

У меня было десять патронов и минута времени.

Удаление до цели выставил, силу, и направление ветра определил. Лежал, ждал команду на открытие огня. Слева от меня на земле был установлен миниатюрный компьютер. Я на него сначала не обратил внимание. Я точно не знал сколько у меня оставалось времени, но его хватило чтобы включить монитор и слегка побаловаться кнопками на панели управления. Появилась мишень, я приблизил её до появления серого круга в центре её.

– Огонь!

Как всегда такая команда приходит неожиданно. Особых задач на том курсе я перед собой не ставил, поэтому волнений не испытывал. Стрелял спокойно, после каждого выстрела проверял мишень по компу, корректировал отклонения. В минуту уложился, попал все десять раз, и как только взлетела зелёная ракета, рванул, что было сил вперёд. Сто метров по коротко стриженной траве вроде бы не далеко, однако если учесть то, что я бежал в бронежилете, с винтовкой, фляжкой воды и ножом на поясе, то получится совсем другое сердцебиение.

На рубеже «триста» я упал на колени и снял жилет. Стрелять сидя в нем, было практически невозможно.

Упражнение – пять выстрелов, сидя на заднице. Винтовка в руках, левый локоть на левом колене.

Красная ракета – огонь. Компьютер не нужен, я и через прицел вижу дырки от пуль.

Пять из пяти. Ракета, очередные сто метров бегом. Жилет одел на ходу, застёгиваться было некогда.

Рубеж «двести». Пять патронов с колена. Казалось бы то же самое, что и сидя. Однако оказалось что то, да не то. Стоя на правом колене удержать баланс было не просто. После каждого выстрела приходилось опускать оружие, правая рука стала уставать. Один промах. Последний этап, удаление сто метров, стрельба стоя – пять патронов.

Я не сказал об этом заранее, но во время бега с оружием в руках патронов у нас не было. Заряженные магазинчики ждали нас на стрелковых позициях. Техника безопасности, так сказать.

Так вот, по ракете начинаю стрельбу. Сходу промах, два последующих попал. После третьего выстрела обнаруживаю, что затвор не вернулся в исходное положение. Снял магазин – пусто. Положил винтовку на землю и позвал инструктора.

Злорадно улыбаясь, ко мне подошёл худший сержант из всех, кто на протяжении нескольких недель, двадцать четыре часа в сутки пытался сделать из нас «рейнджеров». Не ладил я с ним с первого дня моего пребывания в школе. Причиной тому была история его службы в армии. В молодости ему сильно не повезло, его послали защищать заморские территории. Но не туда, где пиво холодное, солнце горячее, а девки доступные. Его артиллерийский полк был расквартирован в десяти километрах от танковых дивизий Западной группы Советских войск в Германии. И каждый день своей службы, он считал последним днём своей жизни. Отцы командиры не скрывали от него и его товарищей, что задача их подразделения сводится лишь к тому, чтобы продержаться на заданных рубежах хотя бы пятнадцать минут. А потом?

– А потом стальная лавина перекатится через вас и они отутюжат всю Европу.

Примерно так моему пятидесятилетнему сержанту двадцать пять лет назад говорил его пятидесятилетний инструктор.

А жёны? А дети в школах и детских садах? Они ведь тоже жили с ним в гарнизоне, и вся пять лет своей службы он боялся за них ещё больше, чем за себя.

А теперь, каждый раз, когда он видел меня, он выплёскивал на меня своей ненавистью. Ну, а мне было по... тому месту, которое некоторым по пояс будет.

Инструктор связался по рации с руководителем стрельб, получил подтверждение тому факту, что я произвёл только три выстрела, зарядил в магазин два патрона, вставил его в винтовку и вернул её мне.

Я услышал слова внутреннего голоса: Юрий, жди подлянку. Вру конечно. Не было никакого голоса. Просто мне не понравилось как он вертел её в руках. Словно разглядывал со всех сторон. Я взял эту пародию на снайперскую винтовку и осмотрел. Ну, точно. Этот пидор, переставил рычаг одиночной стрельбы в положение – автоматический огонь.

Не было бы беды в том, что я бы не попал вторым патроном в мишень. К тому времени у меня уже было двадцать одно попадание из двадцати трёх выстрелов, беда была бы в том, что меня сразу отправили бы домой. За невнимательное обращение с заряженным оружием. Я переставил переключатель в положение «Одиночный огонь» и завершил упражнение.

В размышлениях об этом я всё же промазал один выстрел из двух.

Из всей группы в норматив не уложился всего один человек. Он упорно доказывал экзаменаторам, что виновата винтовка. Инструктора колебались в своём решении. По правилам его должны были немедленно отправить с курса, но человек он был хороший и ему дали возможность перестрелять всё упражнение.

Мне бы не дали.

Пока рубаха-парень носился по стрельбищу, мы ждали ночи.

Стрелять ночью мне до этого не приходилось. Я вообще приборами ночного видения раньше не пользовался. А тут надели на лоб бинокль, чуть больше театрального, на затылок противовес, показали, как его включать и регулировать яркость, и вперёд.

Я слегка охренел. При лунном свете видно было всё как днём. При свете звёзд немного хуже, но вполне прилично. Бегать ночью нас не заставляли. У ночных очков есть свои проблемы, главная из них – периферийный обзор. Те, что я использовал для стрельбы ночью, имели всего лишь девяносто градусов.

Для бега по кустам – маловато будет.

Нормативы были не высокие. С трёхсот метров лёжа я попал все десять раз. Маленький светящийся треугольник в оптическом прицеле легко удерживал центр мишени, поэтому ночная стрельба мне понравилась ещё больше, чем дневная.

Такие экзамены я люблю.

Глава четвёртая. Огонёк

*Я полмира почти через злые бои
Прошагал и прополз с батальоном,
В.С. Высоцкий*

Сидели мы в столовой втроём за одним столом. Серёга, Богдан и я. Обычно, когда мы вместе собирались хорошенько покушать, то к нам никто не подсаживался. Народ кто с улыбкой, а кто с опаской, называл нас за глаза либо ****ыми русскими шпионами, либо русской мафией.

Ни в свои, ни в чужие тарелки смотреть, у нас было не принято. Чаще всего, во время еды, мы рассматривали контингент и вслух обсуждали интересные экземпляры. Естественно на русском языке. Все к этому давно привыкли, и даже преподавательский состав не пытался нас привести к порядку. Для примера, ни китайцам, ни индусам такое не сходило с рук. По правде сказать, была ещё одна национальная группа, которая вела себя также независимо. Это были французы. Но они брали числом, там, где мы брали наглостью.

Мы почти закончили наш обед, когда в зал вошёл худой, наголо бритый мужчина, лет сорока.

– Гляньте на фрукта, – показал я на него вилкой. – Не иначе как два тура локальных войн где-то оттрубил.

– С чего ты так решил? – Сергей окинул вошедшего взглядом.

– Ты посмотри на его голову, шрамы видишь?

Сергей был на несколько лет старше меня, и я не отказывал себе в удовольствии периодически напоминать ему об этом. Не тот Серёга, что был раньше. Глазки подводить стали.

– Точно, – подтвердил Богдан. – Шрамы есть, не меньше двух.

Бритоголовый с подносом шёл между рядами обеденных столов, высматривая компанию поприличнее. Я присмотрелся к липучке с фамилией на правой стороне груди и присвистнул. Огонёк – прочитал я.

– Нашего полку прибыло, мужики. Лысый то наш, русский.

Серёга, не оборачиваясь на новенького, сказал Богдану:

– Зови к нам.

О Богдане я ещё расскажу, а пока очень коротко. Замечательной души человек. До того хороший, что мне порой было стыдно находиться рядом с ним.

Стыдно за свои моральные качества.

Богдан заложил два пальца в рот и негромко свистнул. Огонёк крутанул головой, озирая столовую. Сомнений не было, перед нами был продукт нашей Родины. Есть в мире ещё страны, в которых используют свист как призыв к вниманию, но мы используем его шире всех.

Там где мы учились, не принято было расспрашивать новичка о том, что он здесь делает. Правило было простое: не твой сокурсник – с расспросами об учёбе не лезь. Мы, как могли, старались этому правилу следовать. Однако, на информацию о прошлой жизни и на общие планы жизни будущей, оно распространялось.

Я не буду описывать, при каких обстоятельствах Огонёк поведал нам свою историю. Не имеет значения, случилось это в баре за пивом, или на природе за водкой, важна ведь сама история.

В прошлой жизни Огонёк был офицером Российской армии. Командиром танковой роты. Вернее, он командовал ротой огнемётных танков.

Выпускник Костромского Высшего Военного Командного училища химической защиты дослужился за пятнадцать лет офицерской службы до капитана и решил, что с него хватит.

– Всего хватит, – сказал он нам.

Хватит обедать в палатках на бетонных столах, где вместо тарелок были лишь углубления для пищи.

Мы с Богданом и Сергеем переглянулись.

– Вы что, не поняли? – рассмеялся Огонёк. – Первое наливают в углубление в столе. Бойцы должны съесть суп или борщ за три минуты. Потому как через четыре минуты всё со стола будет смыто водой из брандспойта. Да, да. Рядом стоит КПМ, в смысле – комбинированная поливальная машина, – уточнил рассказчик. – И солдатик наготове. Не успел съесть, твои проблемы. Второе блюдо будет подано незамедлительно после струи воды. И смывают его точно также, через три минуты. Норматив был суровый – обед подразделения за десять минут.

Хватит драться с солдатами. Надоело доводить приказы личному составу через мордобой.

– Шрамы на голове видите? Думаете горячие точки? Думаете Афганистан, Чечня, Дагестан с Ингушетией? Да ничего подобного. Казарма, каптёрка, столовая. Вот мои боевые шрамы откуда.

– Вот это мой первый. Я получил его ещё лейтенантом. Сейчас расскажу. – Огонёк злорадно заулыбался.

– Пришёл рано утром в подразделение проконтролировать подъём. На команду дежурного по роте солдаты не отреагировали. Пришлось команду продублировать самому. После этого почти все встали, но человек десять лишь накрыли головы подушками. Я, недолго думал, схватил пудовую гирю и навесом бросил её на живот одному из «дедов». Тогда даже не подумал о том, что могу убить. Нужно было их «ломать», иначе они сели бы мне на шею.

Солдат закричал убедительно громко. Гиря сломала ему несколько рёбер. Дембеля поднялись и построились, но про гирю не забыли. Через неделю я застал их в каптёрке за игрой в карты, только я попытался возмутиться, как тут же получил удар пряжкой от ремня по голове. От удара я упал на пол, и они долго били меня ногами.

Ни командир роты, ни комбат в это дело встревать не стали. Посоветовали мне проучить их самому.

Последний месяц службы тех дембелей я бил их в своей ротной канцелярии почти каждый день. По одному.

Второй шрам получил на полевых занятиях, кухонным черпаком. Ударили сзади. Я до сих пор не знаю кто.

После десяти лет такой службы я решил, что хватит пить коктейль из смеси двух родов войск. Хуже службы придумать было невозможно.

Офицером химической защиты хорошо быть только в авиации. Лётчики даже стих сложили:

*Кому живётся весело, вольготно в BBC?
Начальнику химической,
Начальнику физической,*

*Партийно-политической
И службе ПДС. (Парашиотно-десантной службе)*

– Во всех других родах войск быть химиком это полная труба, – он задумался на несколько секунд и вдруг спросил. – Вы себе представляете, что такое огнемётные танки?

Мы не имели ни малейшего представления о чём он говорил.

– Ясно, – взор его как будто устремился в пустоту. – Они были у нас в полку. Одним словом это был перебор.

Виделись с ним мы редко, учился он на другую специальность и наши пути почти не пересекались. И всё же, невзирая на мимолётность наших встреч, я успел заметить, что Огонёк был очень набожным. Было в этом что-то противоестественное, очень неожиданное для человека его профессии.

Мыслимое ли дело, чтобы наёмник, бывший красный командир, не ругался матом?

Не пил спиртное? Не волочился за юбками?

Я пару раз пытался вывести его на откровенный разговор о причинах такой душевной перемены. Он, как мог, уклонялся от ответа, но я его дожал. Огонёк признался мне в том, что к богу его повернула последняя гражданская работа. Перед поступлением в нашу школу он руководил бригадой собирателей трупов, в метрополитене одного крупного Западного города.

В одну из суббот я не обнаружил в баре старину Богдана. Прождал его целый день. На Серёгу я не рассчитывал, тот он был занят одной курсисткой, лет на пятнадцать младше его.

Я набрался под завязку пивом и пошёл спать. В коридоре общежития я встретил моего киевского друга. Допрос, без применения пыток, выявил, что Богдан и Огонёк провели субботний день в православной церкви.

Я, мягко говоря, очень удивился.

Не думал, что в богом забытой стране, в самой её дыре, можно было найти церковь с русско-говорящим священником?

Оказывается она была. В ста пятидесяти километрах. Огонёк туда ездил регулярно, а в ту субботу уговорил Богдана поехать с ним.

– Зайди ко мне утром, – сказал Богдан, когда увидел, что я не в состоянии говорить с ним о деле.

В воскресенье утром произошёл относительный прорыв в деле, ради которого я переносил тяготы и лишения.

– Ты знаешь, кого я встретил в церкви? – спросил мой друг.

– Папу Римского? – после вчерашнего мне было тяжело думать.

– Лучше, – Богдан наслаждался паузой.

– Не тяни, ты же видишь мне плохо. Давай, радуй новостями.

Богдан рассказал о походе в церковь подробно. Описал где он стоял, сколько было прихожан, как проходила служба, и где он увидел нужного мне человека.

Самый наш засекреченный инструктор, преподаватель закрытых систем связи, и основ криптографии посещал православную церковь. Это было что-то из ряда невероятного.

– Что он там делал? С кем он был? – Я пытался прикрыть охватившее меня возбуждение под маской любопытства.

– Он стоял возле колонны, очень близко к алтарю. Держал на руках мальчика, лет пяти.

Впереди его стояла высокая женщина, средних лет, с очень красивой фигурой.

На голове у неё был чёрный платок, и было видно, что она по-настоящему молится.

- Так. Значит, он был с русской бабой. Он тебя видел?
- Не думаю, я всё время стоял у входной двери. А Огонька он срисовал. Это точно. Тот поклоны бил перед самым батюшкой.
- Как ты думаешь, преподаватель говорит по-русски, или хотя бы понимает?
- Не могу знать, товарищ майор.
- Сам дурак.

Из Богдана вытащить мне больше ничего не удалось. Да и не стоило его втягивать в моё дело. Я и так задал слишком много вопросов.

Мне просто очень хотелось, чтобы за меня мою работу сделал кто-то другой. Ну, хотя бы частично.

В пятницу после ужина я нашёл Огонька.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.